

Николай Лесков

Лучший богомолец

Николай Семёнович Лесков

Лучший богомолец

Статья Лескова представляет интерес в нескольких отношениях. Прежде всего, это – одно из первых по времени свидетельств увлечения писателя Прологами как художественным материалом. Вместе с тем в статье этой писатель, также едва ли не впервые, открыто заявляет о полном своем сочувствии Л. Н. Толстому в его этико-философских и религиозных исканиях, о своем согласии с ним, в частности по вопросу о «направлении» его «простонародных рассказов», отнюдь не «вредном», как заявляла реакционная, ортодоксально-православная критика, но основанном на сочинениях, издавна принятых христианской церковью.

Содержание

Николай Семенович Лесков Лучший богомолец
(Краткая повесть по прологу с предисловием и
послесловием о «тенденциях» гр. Л. Толстого) . . .
0004

I Вместо предисловия 0005

II Повесть о богоугодном древоколе 0011

III Послесловие 0020

Примечание 0028

**Николай Семенович Лесков
Лучший богомолец (Краткая
повесть по прологу с
предисловием и
послесловием о
«тенденциях» гр. Л. Толстого
)**

*Целый век трудиться —
Нищим умереть, —
Вот где надобно учиться
Верить и терпеть.*

I Вместо предисловия

Четыре периодические издания, выходящие в Москве, почти единовременно сделали попытки остепенить нападки на графа Льва Николаевича Толстого за вредное направление, замечаемое в его простонародных рассказах. Защитники графа отмечают в направлении гр. Толстого благородство, чистосердечие и вообще тон, способный возвышать настроение читателя, а такое направление, конечно, не вредно, но полезно. Потому литературные защитники графа укоряют его наладчиков за их придирчивость, пристрастие и за их бранчивый и противный тон, подходящий к известному тону «слова и дела». Особенного отпора в этом роде удостоился некто г. Воздвиженский, о литературном и каком бы то ни было ином значении которого мне ничего не известно. Известно лишь одно, что этот господин обличал где-то графа Льва Н. в дурном направлении, выражающемся в том, что, по его рассказам, если человек захочет, то может спасти себя сам, «помимо пастырей».

Судя по статье одной из московских газет («Газета Гатцука», № 16), поводом к нападкам с этой стороны послужил по преимуществу рассказ «Три старца», где один архиерей увидел, что три старца, совсем не знавшие ни одной молитвы, заслужили себе, однако, благодатный дар святости и чудотворений.

Защитники графа силятся доказать его изобличителям, что наш художник своими народными рассказами не делает ничего дурного, а делает хорошее, ибо-де «и добрый самарянин менее ближе к царству небесному, чем какой-нибудь левит той же притчи». При сем, однако, защитники графа легко уступают его порицателям то, что гр. Л. Н. будто не имеет основательных познаний в богословии.

Во имя справедливости совесть и знание понуждают протестовать против этого неосновательного и ровно ничем ее доказанного мнения. Наоборот, все последние писания графа, и особенно его вступление к пересказу евангельской истории, основательно и доказательно убеждают, что граф Л. Н. *знает богословские науки*. Если кому-либо это нужно доказать, то и это не может представить

никакого затруднения. Если же граф Л. Н. не принимает того или другого вывода богословской науки, то это не значит, что он «не знает» этой науки, а значит только то, что он *не согласен с известными выводами*. Более ничего, и это очень просто и очень ясно. Но кто позволяет себе говорить, что граф будто и не знает христианского богословия даже настолько, насколько требуется этого знания от ставленника в попы, тот лишен всякого критического проникновения и напрасно уступает почву из-под ног своих. Граф Лев Толстой хорошо знает все то, что в наших специальных курсах называется богословием. И он, очевидно, знает еще гораздо больше этого. Еще хуже поступают защитники графа, отстаивая его рассказы только с той стороны, что их можно стерпеть, ибо они поучают действительной нравственности. Это наладчикам графа все равно. Напрасно им говорят, что хотя рассказы графа и имеют в своем направлении нечто не совсем удобное, но, однако, это еще можно стерпеть ради возвышенных нравственных целей тех рассказов. Им это совсем ни к чему. Для чего терпеть? За красно-

речие, что ли? Нет, им надо показать и доказать, что направление рассказов графа Л. Толстого не только совсем не вредно и что оно даже одобрительно и совершенно законно. И это показать и доказать можно без всяких затруднений, если только сделать это как следует. А чтобы сделать это основательно и в порядке, только надо иметь знакомство с тою отраслью церковной литературы, откуда граф Лев Н. Толстой черпает большинство мотивов для своих народных рассказов. Откуда берет граф Л. Н. Т. сюжеты для своих народных рассказов? Тотчас по выходе рассказа «Чем люди живы» я имел смелость указать, что рассказ этот взят из «Народных легенд Афанасьева» – именно, из легенды о том, «как родила баба двойни». Потом в дальнейших рассказах мне почуялись старые Пролога. Г-н член главного правления по делам печати, Гр. П. Данилевский, посетив графа Л. Н. – ча в его тульском имении, поместил в «Историческом вестнике» описание, что он видел в рабочем кабинете графа. Между прочим, г. Данилевский видел там *Пролога*. Какие? Есть Прологи новые, значительно сокращенные, – эти употребля-

ются в господствующей церкви; и есть Прологи старые, более пространные, – эти печатаются о сию пору в Москве, в типографии тамошнего единоверческого монастыря, для единоверцев. Единоверческие Прологи состоят из четырех томов в лист; они продаются везде открыто, стоят 36 рублей и не разнятся в содержании ничем от старых, патриарших Прологов. Г. П. Данилевский не отметил, *какие* Прологи лежат на столе графа Льва Толстого, но, судя по тому, что граф «износит» в своих народных рассказах, начитанный человек должен думать, что Л. Н – ч именно пользуется Прологами, издаваемыми типографией московского единоверческого монастыря, что отнюдь не предосудительно и никому не возбраняется. Есть ли в тех Прологах рассказы в том духе, в каком являются художественные произведения графа Толстого? Без сомнения, есть, и вот это-то и надо было показать обличителям графа, чтобы заставить их понять всю несправедливость и неуместность их нападок на графа Толстого со стороны его направления. Это, я надеюсь, совершенно возможно, позволительно и даже необходимо

для установления правильного критического отношения к рассказам графа. Но этого-то самого простого дела до сих пор и не было сделано, и я попробую сделать первый подобный опыт. Я надеюсь показать, что не только нет ничего предосудительного в том, если кто-нибудь пожелает представить простого человека способным самолично хорошо управлять свой путь, но что можно представить простого человека даже соделывающим такие дела, которые приходились не по силам лицам духовным. Я все это сейчас приведу из Пролога.

II Повесть о богоугодном дровоколе

Под восьмым числом сентября читаем в Прологе «слово от Лимониса о муринае дровосечие» («Благослови, отче!»).

Ради тяжести довольно неуклюжего и для многих совсем непонятного старинного допетровского церковного языка я предложу здесь эту повесть в моем пересказе – вполне близком фактически к подлиннику.

В кипрских окрестностях была однажды ужасная и продолжительная засуха. Все плоды и полевые злаки гибли, и люди, видя неминуемое бедствие от угрожающего им голода, пришли в самое тягостное уныние. Молились, просили дождя, но дождя не было. Во главе тамошнего местного духовенства находился тогда епископ, человек, надо полагать, очень добрый, участливый и чистосердечный. Он принимал скорбь народа близко к своему сердцу и сам усердно молился, чтобы бог послал дождь на землю, но дождя все-таки не было. И епископ и его клир всё усердно

и долго молятся, а дождь все не идет. Раскаленное небо безоблачно, и солнце сожигает без милосердия все, что осталось в несчастной стране еще не сожженным. Народ кипрский, видя, что и епископ и все духовенство о них стараются и молятся усердно, а дождя между тем все-таки нет, пришел в ужас, близкий к отчаянию. Где же, в самом деле, искать спасения? На что еще уповать и надеяться? Кто же еще может помолиться лучше, чем епископ, и чья молитва может быть доходнее до бога? Епископ – разве это не первое лицо во всем духовенстве, и разве кроме него есть кто-нибудь другой, кто бы лучше его знал, как надо умолить бога дать людям то, чего они у него просят? Но дождя, повторяем, все нет, а зато был епископу «глас с неба»: «Иди после утрени ко вратам города, и первого человека, который будет подходить к городу через те ворота, – ты сейчас же удержи, и пусть он помолится, и тогда будет вам дождь». Епископ рассказал людям о том, что он слышал «с неба», и все положили сойтись завтра утром рано в церковь и сделать все так, как велел пришедший с неба голос.

На следующий день, отслужив рано утреню, епископ со всем своим клиром пошли к городским воротам. С ними, разумеется, пошли и все люди, ожидавшие благодетельного чуда для истомленной земли их. Итак, все большим обществом вышли за городские ворота и стали здесь станом ожидать избранника, которого сам бог пошлет сюда, как наилучшего молитвенника. Епископу раскинули его складное стуло и посадили его, а клир и все прочие люди стали вокруг его и смотрят вдаль: кого им пошлет господь? Все нетерпеливо желают скорее увидеть того человека, который помолится за них о дожде и будет услышан в своем молении. И вот, долго или коротко после их томительного ожидания, вдали, на опаленных полях, что-то показалось... Сначала невозможно было разобрать: идет ли это пеший человек или кто-то на осле едет... Далеко, да и сверкание от палящего зноя делает в глазах мреяние... Но вот предмет все приближается и становится яснее. Теперь уже видно, что это человек пеший и притом старый, изнеможенный простолюдин, весь согнутый и едва передвигающийся

ноги под большим и очень тяжелым оберемком дров или хвороста... Так неужто вот это он и будет тот молитвенник, молитва которого взойдет к богу лучше, чем молитва целого клира и самого епископа? Епископ и люди все переглянулись друг с другом и в недоумении пожали плечами. Удивительно, чтобы еледвигающийся под вязанкою дров мужик был всех лучше для вознесения богу молитвы об общественном бедствии? Но, однако, как никого другого, кроме этого старика, не показывалось, то выбирать было не из кого, и епископ решился остановить дровокола и просить его вознести к богу моление, о чем клир и епископ возсылали свои молитвы безуспешно.

А старик, кряхтя и спотыкаясь, все помаленьку подходил ближе к воротам города, и тоже, сколько зной и усталость ему позволяли, он удивлялся: что это здесь, у ворот, за необыкновенное большое собрание людей и почему с ними впереди всех сидит на стуле сам кипрский епископ?! Конечно, удрученный тяжелою ношею старик не имел и самой отдаленной мысли, что все это большое со-

бране людей с епископом вышли затем, чтобы встретить именно его, согбенного нищего, и просить его молитв за весь край. Подходит старик еще ближе и видит, что все на него смотрят и что сам епископ встает перед ним с своего места и ему, простому, бедному работнику, *кланяется*. Старик оторопел, сбросил поскорее со спины на землю оберемок хворосту и говорит:— Прости мя, отче! — и попросил у епископа благословения. Но епископ опять *поклонился ему* и сказал:— Авво, господа ради помолися о нас, да пошлет нам господь свою милость и да будет сегодня дождь на земле. Старик изумился тому, что слышит. К чему это статочно, чтобы его, ненаученного простого человека, епископ просил молиться?— Я недостойн, — говорит, — отче, чтобы при тебе, в твоём присутствии, слова молитвы восходили из моих уст. Это тебе, отче, всех более прилично помолиться об общем бедствии, ты и помолись, а я не смею. Но ему стали говорить, что епископ уже молился, но что бог не исполнил его молитвы и не низвел дождя на землю. «А теперь, — говорят, — на тебя указание вышло епископу, и ты, как хочешь, ты не

должен отказываться, а должен сейчас стать и молиться». Старик все еще и тогда не решался, и потому, чтобы преодолеть застенчивость этого дровокола, его «принуждением» поставили на колени на его хворост и заставили молиться. Старик более не спорил и как умел, так и начал молиться, а с неба сейчас же заросило, и пошел сильный и благодатный дождь... Все не знали, как довольно нарадоваться об такой благодати, и не знали, как им и возблагодарить за нее бога и приятного ему молитвенника, которого «голос с неба» указал как *наилучшего богомольца*.

А как только долгожданный дождь обильно оросил и досыта напоил жаждавшую землю и все в полях и в садах освежилось, то повеселело и на сердцах у людей, и сейчас пошли прохладные беседы у каждого с ближним своим. Тогда наступило время и епископу поговорить с дровоколом, и он захотел узнать: какое житие проводит этот человек, который богу так угоден и приятен? Епископ так прямо его об этом и спросил, но старик не умел ему ничего о себе отвечать, и епископу показалось, что он от него что-нибудь таит. —

Яви мне любовь, отче, – стал его упрашивать епископ. – Я не для своего любопытства, а *ради пользы* многих людей прошу тебя: открой нам, чем ты так угодил богу, что он твою молитву лучше всех слушает и дает просимое по твоему желанию. А старец отвечает:– Ей, отче, не ведаю.– Ну, для того-то и расскажи нам, как ты живешь, – и мы все станем тебе подражать и поревнуем стать такими же, чтобы и наши молитвы шли прямо в прием богу. Не умолчи – сказывай! Тогда старик проговорил епископу:– Прости меня, господин, – я все бы сказал, да мне, право, совсем нечего сказывать. Я самый обыкновенный грешник и провожу мою жизнь в ежедневной житейской суете и хлопотах. Мне выпала такая доля, что даже и раздумать о богоугодных делах мне некогда, потому что я себе до старости ничего во всю жизнь не припас и теперь, уже слабый и немощный, не имею ни отдыха, ни покоя.– Однако в чем же проходит твоя жизнь?– Да вот она в чем проходит: просыпаюсь я рано и выхожу из города и иду с топором в лес. Там я нарублю хороший оберемок валежнику, который всякому собирать дозволено, и тащу мою

связку в город, как ты видел сегодня, когда меня встретил у ворот.— Ну, а далее?— А далее — в городе я продаю свой хворост на топливо, а за те деньги, которые выручу за хворост, покупаю себе хлеба и съедаю его.— И другого у тебя занятия нет никакого?— Нет никакого, отче.— А где же твое жилище?— Жилища у меня тоже никакого нет и никогда не было. А когда я устану и мне надо отдохнуть или переночевать, то я залезу под церковь и там под полом свернусь и сосну. Было это давно, и в то время церкви были маленькие, деревянные, и строили их на «стоянах», или, проще сказать, на столбиках, и под пол таких малых церквей можно было согнувшись входить, и там прятаться от стужи и дождя. Такие церкви были и в России, да еще и по сие время встречаются кое-где в бедных местах на севере. Под полом их находят отдых овцы, телята и нищие.— Ну, а когда холодно или когда такая непогода, что нельзя собирать дров, — спросил епископ, — тогда что ты делаешь?— Тогда я пережду день и два, сидя там же под церковью под полом.— А что ж ты тогда кушаешь?— Зачем же, не трудясь, кушать? я тогда

поголодную, пока опять господь даст ведрышко, а когда станет хорошая погода, я, благословляя господа, встану и пойду опять за хворостом. Вот тебе и вся моя жизнь.

От этого простого рассказа, – Пролог говорит, – «пользу прием не малу епископ с клиросом его. Тако и вся прославиша бога о труде старче, и рекоша ему: воистину ты еси совершил писание, глаголющее: яко рече пришлец, есмь аз на земле». Епископ взял этого собирателя хвороста к себе и «питал его, и дал ему покой, дондеже преставися богу»,

III Послесловие

Рассказ Пролога кончен! На мой вкус, он очень благочестив, грациозен, прост и удобен для передачи его в беллетристической форме. Притом он отвечает вкусам простонародного читателя и поучает его трудолюбию, терпению и безропотности – все, что для бедного труженика нужно и полезно. Читатель, который знаком с духом народных рассказов Л. Н. Толстого, без сомнения заметит еще и то, что рассказ этот имеет самое сильное сродство с простонародными повествованиями Л. Толстого. Тут не только один дух, но один и тот же тон и *направление*, и вот на этом-то живом сродстве и сходстве и надлежало, кажется, давно остановиться литературным доброжелателям графа, старающимся оборонять его от возводящих «слово и дело». Если бы рассказ, который сейчас приведен мною, был представлен как мое сочинение, без указания церковного источника, из которого я его выписал, то я, может быть, тоже рисковал бы услышать укоры за дурное направление, но теперь, указав источник, я себя этим защи-

цаю. Это не мое направление, а это так написано в Прологе и так читается в монастыре 8-го сего сентября после воззвания: «Благослови, отче». Пусть же нападки графа скажут нам: разве зазорен или нечист тот источник, из которого черпаются рассказы, подобные тому, какой мы сейчас выписали? Если г. Вознесенский или иной от совоспитанных ему могут нам довести, что источник, нами цитированный, нечист и что пользоваться им опасно, то пусть они это открыто разъяснят и докажут. Если же г. Вознесенский и единомысленные ему не могут нам этого доказать, то мы не видим ничего дурного в том, что простолюдинам предлагаются нравственные повествования, схожие с историями, заимствованными из Пролога – из книги, назначаемой церковью для благочестивого и назидательного чтения.

В истории, которую мы предложили из Прологов, епископ признает лучшим богомольцем не себя, а бедного собирателя хвороста, – человека, который целый век трудился и не мог ничего собрать себе на старость, но притом не ропщет и не жалуется. – Это старая

и давно известная народу история, которую Л. Толстой еще не переложил в иную форму. Но она известна уже целые века, и никакого худа от нее не было. Напротив, упоминаемый в Прологе епископ кипрский всем очень нравился. Все находят, что это, очевидно, был человек не гордого, а смиренного христианского духа, человек, который свою важность ставил ни во что, а искал только пользы народу и для того нимало не стеснялся всенародно поставить себя ниже дровокола. Такая искренность и простота всегда нравятся людям христианского настроения, и потому кипрский епископ, который приветил дровокола, кланялся ему и, наконец, даже признал его за человека, «совершившего писания». Он ничего низко не уронил, и повторять его историю в одном или во множестве пересказов, я думаю, по суду здравомыслящих людей должно быть позволительно и даже похвально.

Таков же и тот епископ, которого вывел граф Лез Николаевич Толстой в своем рассказе «Три старца».

Прототипы их все в Прологах.

Дух житийных сказаний – это тот дух, ко-

торый в повествовательной форме всего ближе знаком нашему религиозному простолюдину, Он усвоится простонародием по устным рассказам, часто очень попорченным в устной передаче, но зерно той идеи, из которой развилось повествование, всегда в нем сохранено. Оттого-то повести, написанные Толстым в этом именно духе, так и приходят «по мысли» народу... Простолюдин читает то, что до его слуха ранее доносилось с струею родимого воздуха, и граф Л. Н. Толстой, без сомнения, в полном праве идти этим, а не иным путем. В ином духе и направлении от рассказа повеет холодом, формою, муштрою, казенщиной. Почва у художника свернется под ногами и произрастит не имя живое, а терние и волчец. Впрочем, было чье-то намерение уничтожить литературный успех графа Толстого выпуском художественных произведений «в обратном направлении». Мы их ждем. Этот опыт должен много показать на деле, а главное – он, без сомнения, окажется безопаснее горячей полемики о достоинстве повествований, дошедших до нас через Пролога и другие житейные записи, с которыми

народ наш исстари знаком, как с книгами благочестивыми и притом даже освященными церковным авторитетом. Неловкая полемика, веденная в том духе и с теми приемами, образцы которых приведены в московских газетах, обороняющих графа Толстого, может поднять такие смущающие тени, что нелегко будет их умолить снова удалиться от вида... Некоторые наладчики на Толстого обнаруживают очень вредное для себя заблуждение. Входя в разбор его и других современных писателей, они выражают большую самоуверенность и слишком смелое пренебрежение к ним. Они, по старине, склонны ожидать, что встретят между ними «дворянчиков французского закроя»... Это немножко изменилось: и среди современных писателей есть люди, начитанность которых в церковной литературе отнюдь не ниже семинарской и даже академической. Удивительно, что критики графа Льва Н. Толстого даже в нем не замечают *громадной начитанности!*

<P. S.> Если бы автору для полноты типа или картины или в каких бы то ни было его художественных соображениях понадобилось

продолжить или развить пересказанную мною историю, то он, при начитанности в Прологах, может исполнить эту задачу, не изменяя своего правдивого тона и ее отыскивая для себя никакого иного источника, кроме того, из которого он уже начал черпать. Так, например, к рассказу, взятому из Прологового чтения, положенного на 8 число сентября, берем, например, повествование Памвы под 16 ноября. «Авво Памва посла ученика своего во Александрию град ради нужды потребы некия и продати ручное его дело». Ученик в Александрии зашел в церковь св. Марка, и ему очень понравилось, как там служат по чину и хорошо поют. Он «изучи тропари и возвратися к старцу», и старец заметил, что он не такой, как был прежде, – что он смущен и печален. – Не случилось ли, – спрашивает, – тебе в городе какое несчастье? А ученик ему отвечает: – Естеством, отче, в небрежении кончаем дни своя в нашей пустыни (в глуши), – мы ни канонам не учимся, ни тропарям. Видел я теперь в Александрии, как там хорошо служат по чину, и слышал, как там стройно поют, и оттого я печален, сравнивая

себя с ними. Старец же отвечал: – Да, это горе! Приближается действительно такое время, когда монахи оставят труд и последуют пениям и гласам. Что это за умиление, которое рождается от тропарей! Что хорошего монахам стоять в церкви и возвышать гласы своя, яко волове. – Св. Памва растолковал ученику своему, что то, что тому понравилось в Александрии, для трудолюбивого христианина не нужно и не полезно, а вредно, и есть «еллинские писания», которым когда последуют, то будут и «ленивы» и «сварливы». А если им кто напомнит о старинном житии, то они «блядуци глаголати имут: аще быхом и мы во дни тех были, – подвизалися быхом». И тут же сряду под тем же числом о двух пустынноиках, которые выпросили бога известить им: есть ли кто лучше их подвизающийся? «Глас» назвал им одного *пастуха* с его женою. Пустынноики пошли смотреть указанных угодников и нашли простого пастуха. Стали его расспрашивать: как он живет и в чем его святость? А пастух рассказал им, что он стережет своих овец и доход от стада делит натрое: одну треть на бедных, другую на путников, а тре-

тью на свои с женою потребности. С женою же живут по-христиански мирно и блюдут ложе нескверно. Без преувеличения можно сказать, что рука устанет выписывать, сколько в Прологах есть повестей с этим «направлением», которое сходно с направлением народных рассказов пр. Льва Толстого, и напрасно вменяется ему во злое намерение показать, что люди собственными их силами в самой скромной доле могут устроить свою жизнь так, что она станет боголюбезною. «Направление» это не графом Толстым изобретено и, конечно, с ним не окончится.

Примечание

Печатается по тексту газеты «Новости и Биржевая газета», 1886, № 109, 22 апреля.

Статья Лескова представляет интерес в нескольких отношениях. Прежде всего, это – одно из первых по времени свидетельств увлечения писателя Прологами как художественным материалом. Вместе с тем в статье этой писатель, также едва ли не впервые, открыто заявляет о полном своем сочувствии Л. Н. Толстому в его этико-философских и религиозных исканиях, о своем согласии с ним, в частности по вопросу о «направлении» его «простонародных рассказов», отнюдь не «вредном», как заявляла реакционная, ортодоксально-православная критика, но – основанном на сочинениях, издавна принятых христианской церковью. Пиетет к Толстому (ср. в письме Лескова к В. Г. Черткову от 4 ноября 1887 года: «О Льве Николаевиче мне все дорого и все несказанно интересно. Я всегда с ним в согласии, и на земле нет никого, кто мне был бы дороже его») определяет творчество Лескова последних лет; имя Толстого ча-

сто появляется и в статьях Лескова и в его письмах к разным лицам.

Целый век трудиться... – Эпиграф – неточная цитата из стихотворения И. С. Никитина «Ночлег в деревне». **Четыре периодические издания...** – Нападки на Толстого «за вредное направление» оживились в связи с выходом двенадцатого тома пятого издания собрания сочинений Толстого («Произведения последних годов», М., 1886). В том этот вошли произведения писателя, написанные для народа, «Смерть Ивана Ильича» и др. Полемика вокруг тома особенно обострилась в связи с заявлением Толстого о том, что произведения, напечатанные в нем, могут безвозбранно и безвозмездно переиздаваться всеми желающими....**его вступление к пересказу евангельской истории...** – сочинение Л. Н. Толстого «В чем моя вера?» (М., 1884), конфискованное и уничтоженное цензурой, но распространявшееся в массе рукописных списков и перепечаток на гектографе. **Тотчас по выходе рассказа «Чем люди живы»...** – Рассказ Л. Н. Толстого «Чем люди живы» напечатан в «Детском отдыхе», 1881, № 12, стр. 407–434.

...рассказ этот взят из «Народных легенд» Афанасьева... – Лесков имеет в виду легенду № 26, «Ангел», из сборника «Народные русские легенды» (М., 1860) А. Н. Афанасьева (1826–1871). **Потом... мне почуялись старые Пролога.** – В статье «Жития как литературный источник» («Новое время», 1882, № 2323, 17 августа) Лесков писал: «Жития читали Пушкин, Герцен (Искандер), Костомаров, Достоевский, и, по слухам, ими же усерднее всех вышеупомянутых занимается граф Лев Н. Толстой». И дальше: «Человек таких дарований и такого настроения, как гр. Л. Т., ударив в старый камень священных сказаний, может источить из него струю живую и самую целебную. Некоторых это печалит, – им жаль, что такой большой художник займется аскетами, а не дамами и кавалерами. Этим людям непонятно и досадно, как можно полюбить что-либо кроме бесконечных вариаций на темы: «влюбился – женился» или «влюбился – застрелился».... **Гр. П. Данилевский... поместил в «Историческом вестнике»...** – Имеется в виду статья Г. П. Данилевского «Поездка в Ясную Поляну» («Исторический вест-

ник», 1886, № 3, стр. 529–544). **Авво** – отец (сирийск.), обычное обращение в житийной литературе к старшим, к священнослужителям. **...намерение уничтожить литературный успех графа Толстого...** – Намек на попытки синода и министерства народного просвещения использовать пересказы «священного писания» и житийной литературы для воспитания народа и юношества в православном духе, в духе царепочитания. Попытки эти оказались совершенно беспомощными и никакого успеха не имели.